

Андрей Олеар

СУДЬБА № СЛ-208

Хозяйка комнаты встретила его при входе.

- Вы не насчёт квартиры? - с надеждой спросила она. Но, внимательно взглядевшись в лицо вошедшему, всё поняла без слов.

- Вы, наверное, здесь... - только и смогла тихо выговорить она и, потупив глаза, вышла из комнаты.

Он так и стоял в дверях, глядя на единственное мутное окошко, тускло светившееся почти под самым потолком.

Позже в его бумагах я видел фотографию этого окна. Проступаний на фотоэмульсии, белый от прямых солнечных лучей, оконный проём был перечёркнут расплывчатыми контурами стальной решётки. Страшный символ...

Хозяйка оказалась права. Её маленькая комнатка-ниша, как бы вырубленная в огромном кирпичном монолите стен трёхэтажного красного кирпича здания по пр. Ленина, 425 была его камерой. Отдельной камерой № 6 следственной тюрьмы Томского управления МГБ СССР.

Спустя много лет он пришёл сюда вновь, как на свидание со своей судьбой. Той самой, за номером СЛ-208.

Визити Александра Евдокимовича Кропочкина, более тридцати лет учительствовавшего в 19-й средней школе г. Новосибирска, по строгому счёту, не было ничего необычного. Он и сам так считает.

И в самом деле: неприхотливая фантазия сталинских инквизиторов отметила его судьбу выразительной казённой печатью того времени "враг народа". Его 58-я статья, судебный фарс, лагеря, голод, подорванное здоровье - всё было также, как

у других — многих миллионов его соотечественников. Но лишь в одном ему повезло, как немногим из них. Он остался жив.

... В день демобилизации, в октябре 45-го, перед построенным на лётном поле техническим персоналом 990-го полка ночных бомбардировщиков выступал бессменный командир части полковник Данилов. Это был бравый офицер, или, как говорили тогда, настоящий "сталинский сокол" — вся грудь в орденах.

— Товарищ полковник, зачем вам их так много? — наседали на Данилова техники, имея в виду командирские ордена. — Ссудите хоть шарочку!

Комполка весело оглядел строй. На гимнастёрках его технического состава наградам, что называется, тесно не было. Одна-две, много — три медали.

— Понимаю о чём вы говорите, — улыбнулся он. — На груди у лётчиков — отблеск и вашего ратного труда, товарищи.

Вспомнилось всё это старшему сержанту-механику, теперь уже бывшему, Александру Кропачкину в кабинете начальника следственного отдела. Майор, переступившись через стол, в очередной раз грохотал прямо в лицо: "Какой же ты честный человек, ежели у тебя за всю войну наград-то раз-два и обчелся?"

Знал бы об этом улыбочивый комполка.

Далеко не всё ладно было в "старейшем вузе Сибири" Томском университете образца 1946 года. Всегда живая и пытливая университетская мысль была надёжно упрятана в казённые стандарты идеологических стереотипов. Но даже тогда, во времена повсеместного сыска вражеских происков и шпиономании, университет пользовался особым вниманием правоохранительных органов.

На одном из общих университетских собраний, только что избранный в профсоюзный комитет ТГУ первокурсник историко-

Филологического факультета Александр Кропачкин выступил от лица всех студентов. Он решительно потребовал у руководства вузом навести порядок с распределением продовольствия в студенческих столовых. Времена были известные — карточная система. Вузы, как "непроизводительная сфера", избытка продуктов не имели. Но и без того тощая студенческая "пайка" в университетских столовках изрядно теряла в весе.

Тогдашний ректор^ж, вскочив со своего места в президиуме, указал на дерзкого студента: "Вот он, тот человек, который хочет использовать наши послевоенные трудности в своих подрывных вражеских целях!" После такого конкретного политического "диагноза" тучи над головой Кропачкина не замедлили стуситься.

Совершенно неожиданно для себя Александр получил посылку. Обнаружив в ней большую пачку чистых листов отличной плотной бумаги, он не мог не удивиться. Подарок студенту был действительно царским. Даже лекции очень многие писали тогда на обрывках газет, оберточной бумаге. Это был нехитрый, но испитанный приём ведомства профессиональных провокаторов. Человеку, оказавшемуся под подозрением, как бы предлагалось самому написать то, что послужило бы потом материалом для обвинительного заключения по его делу.

Впоследствии лекции Кропачкина по литературе, истории, философии, записанные на роскошной мелованной бумаге, испещрённые красными карандашными пометками следствия, будут акку-

---

ж) В 1938-1948 гг. ректором Томского университета был Яков Дмитриевич Горлачев, доцент одной из кафедр общественных наук (прим. редактора)

ратно приобщены к делу. Как, впрочем, и многое из того, о чём говорилось тогда в 18-й комнате университетского общежития^ж. Студенческие споры за полночь /кто знает сколько их было?!/- о многом говорили между собой фронтовики, и оценки допускали, как принято говорить сейчас, далеко не однозначные. Каково же будет потом их удивление, когда в многостраничных доносах, которыми открывались их следственные дела, будет зафиксировано не просто то о чём шла речь, но со скрупулёзной точностью будут приведены и истолкованы даже отдельные реплики и слова. Природа этой скрупулёзности будет понята Кропачкиным только в ходе следствия: провокатором оказался студент З., сосед по комнате. Интересно, что спустя почти 40 лет Александр Евдокимович вновь встретится с З., прямым виновником своей трагической судьбы, только теперь уже профессором, доктором наук, преподавателем научного коммунизма. Но ирония случая встреча произойдёт во время публичной лекции профессора З. Тема лекции: сталинские репрессии...

- Это было новогодними праздниками в ресторане "Сибирь", - вспоминает Александр Евдокимович, - за мой стол по очереди подвели двое неизвестных. Подпивали. Вполголоса говорили рискованные вещи об "отце и учителе". Несколько иронически пели известную песню "...весь народ за Сталиным идёт". Ну я неосторожно и высказался в том духе, что идти-то он, конечно, идёт, да и как не идти, ежели так погоняют!

Эти слова, как выяснится потом, решат его судьбу. Спустя два месяца Кропачкина арестуют именно эти двое, которые по совместительству с ресторанным "фрондерством" вели ещё и свою основную работу - в органах МГБ.

... Следователь-стажёр был молод, решителен, энергичен. Назовём его, а точнее - её, Евдокией Николаевной Березиной. Дело "группы Кропачина, виновной в контрреволюционном заговоре против существующего строя", было первым порученным ей самостоятельным делом.

- Значит, ты, фашистская морда, - так обращалась она к подследственному, - злоумышляла против Советской власти?

- Я всю войну эту самую власть защищал.

- Нет, ты хотел вооружённым путём свергнуть социализм.

- Это же противоречит здравому смыслу, - пытался объяснить Александр. - Гитлер, за которым стояла огромная военная мощь германского империализма, не смог этого сделать. Как бы это удалось мне?

- С помощью англо-американского блока!

И у бывшего фронтовика, студента-историка Кропачина, и у следователя-стажёра - дело было первым в жизни. Но если для Кропачина, учитывая тяжесть обвинения, оно грозило стать последним, то для следователя Березиной оно должно было стать лишь первой ступенькой к делам следующим, к блестящей служебной карьере.

Опять же, по иронии судьбы, Е.Н. Березина впоследствии закончит тот же самый историко-филологический факультет ТГУ. Потом она будет долгие годы преподавать историю КПСС в одном из томских вузов. Она выйдет на пенсию, уважаемая коллегами, в почётном звании доцента.

Горе и до ареста Александра властно проставило свою казённую печать на судьбу его семьи. Во время "ежовской" волны, без суда и следствия, исчез в тюрьме муж сестры Кропачина, ~~видный партийный работник~~ - Фёдор Абрамович Михасёв^ж.

Только спустя многие годы выяснится, какой мерзкой ложью были его "10 лет без права переписки". Михасёва расстреляли по постановлению "тройки" здесь же в Новосибирске, на ул. Коммунистической; в гараже, совсем недалеко от дома, где жила семья Кропачиных. Лишь в середине шестидесятых племянница Фёдора Абрамовича, будучи замужем за работником КГБ, сумеет выяснить через него, что же случилось с её дядей. А тогда, в 37-м, однажды без объяснения причин перестали принимать в тюрьму передачи.

Родственник "изменника Родины", замеченный в неблагонамеренных высказываниях, — по тем временам этого было более чем достаточно. Но для организации контрреволюционеров-заговорщиков, готовящей /ни больше ни меньше! / "вооружённое восстание", одной персоны Кропачина было мало. Нужны были фамилии сообщников, пароли, явки, адреса.

Особых усилий на розыск остальных "преступников" следствию не потребовалось. Или "стали" друзья Александра, его соседи по комнате Фёдор Ломов и Иван Кружков.

"Жизнь только тогда будет хороша, когда уйдёт из жизни наш Спутник." Такую запись нашли на полях одного из студенческих конспектов Ломова. Когда после принятых в ходе следствия мер дознания поделедственный Ломов собственноручно подпишет признание о том, что "преступно жаждал близкой кончины вождя", его сразу же оставят в покое. Этого "хватало".

В знаменитом на те времена ресторане захолустной станции Тайга по углям шумно возились большие серые крысы. "Лиття не стало от них, — сказал тогда Кружков, — везде, проклятые, так и шныряют". Сказал и забыл. Потом ему напомнят: "Кого вы имели в виду?" После трёх месяцев следствия он "добровольно" признается в том, кого именно он имел в виду. Признается он и во многом другом.

Так формировалась преступная группа.

Допрашивали ночью. А днём спать в камере запрещалось. Надзиратель то и дело грохал щеколдой, раз за разом трубил в зарешеченное смотровое окошко: "Не спать!" Кормили тоже по особой "иезуитской" системе. Один день и овсянку, и баланду давали, другие два - кусок хлеба да кружку воды.

- Протоколы допросов нам стали показывать ближе к концу следствия, - вспоминает Александр Евдокимович. - Следователь совала их нам, одуревшим от бессонницы, требовала читать внимательно. А у нас все сливается, плывёт перед глазами...

Потом, на суде, он с ужасом поймёт, /перед судом дали время и подюрмиться, и отоспаться/, что подписал бумаги, в которых он - фронтовик, коммунист - признавался в том, что руководил "подпольной контрреволюционной, фашистской организацией"!

Даже по тем незаконным временам, для подтверждения выводов следствия требовались доказательства: существование шпионской сети, нитей, связующих контрреволюционеров с заграницей. Добывались они традиционно с помощью провокаций. Заключённым, например, якобы по недосмотру начальства передавали с воли в камеру книги. Потом следовал обыск и книги изымались. Пометки сделанные на полях или в тексте тщательно фиксировались и истолковывались следствием. Если же таковых было недостаточно или не было вовсе, удобные по форме и содержанию шифрограммы появлялись, становясь теми самыми уликами, которые "неопровержимо" доказывали вину "контрреволюционеров". Кропачкину подбрасывали учебник латинского языка, пишущую бумагу, карандаш. После обыска, во время которого всё это было изъято, Александра неделю продержали в тюремном карцере.

Майор, начальник тюрьмы, прозванный заключёнными за водянистые, бесцветные глаза садиста "рыбыми глазами", лично сопро-

вождал арестанта в карцер. Открыв тяжёлую металлическую дверь в небольшой - пять ступеней вниз - бетонный мешок, освещённый лампочкой в 15 свечей, указав на залитый нечистотами пол, майор лобезно пожелал "непонятливому заговорщику" - "приятно провести время!" В камере хозяйничал сирой пронизывающий холод. Через несколько суток тюремщик также побеспокоится лично: "не окомел ли умник". Надзиратели поволокут Кропочкина, сам идти он уже не мог, в общую камеру. Показательные уроки на тему "нужно быть разговорчивей" были не такой уж редкостью для её обитателей.

Но теперь и им, сознавшимся в антигосударственной деятельности, оставалось 7 минут ожидания. Суд удалился в совещательную комнату...

В зале присутствовал лишь один-единственный зритель. В дальнем углу, при входе, спрятав лицо в поднятый воротник шинели, словно съёжившись от холода, сидела Е.И.Березина. Подсудимые категорически протестовали против её участия в судебном заседании. Суд оставил их протесты без внимания.

О чём думали вы тогда, Евдокия Николаевна? Более 40 лет тому назад, сиди в углу судебного присутствия, созерцая дело рук своих? Испытывали ли удовлетворение от того, что "честно" выполнили свой "профессиональный долг"?

Однажды вы уже сбитчиво оправдывались тем, что были лишь частью чудовищной репрессивной машины, её "винтиком", что "выполняли приказ", что "уж времена были такими". Симптоматично, что одно и то же твердили на своих судах и нацистские палачи-эсэсовцы, и преступники-следователи из ведомства Ягоды-Ежова-Берии, перекладывая тем самым тяжесть ответственности за содеянное на своих пораженных параноией безграничной власти вождей. Но лишь наци получили своё.?

У А.Е. Кроночкина была грамота с личной благодарностью Сталина за бой на Калининском фронте. Она была изъята во время обыска на его квартире в Новосибирске, вскоре после ареста. В архиве МО СССР есть её регистрационный номер. В 60-м году в ответ на своё письмо-запрос Кроночкин получит документ за подписью начальника группы УКГБ по Томской области т. Пасякина: "... сообщаем, что грамоты с благодарностью у нас нет. Изъятая по протоколу обыска она не значится".

Это вы, Евдокия Николаевна, в служебном своём рвении, уничтожали документы, хоть сколько-нибудь положительно характеризовавшие ваших подследственных /преступник не мог иметь благодарности Вокди!/. Это вы, Евдокия Николаевна, выдерживали арестантов в боксах-отстойниках по многу часов подряд на ногах, готовя их к очередному допросу. Это вы цинично советовались с ними, кого "ставить руководителем группы". Вы поставили руководителем Кроночкина, но известно ли вам, что вынесенный ему осенью 47-го приговор - 5 лет ИТЛ - опротестует прокуратура, как неоправданно мягкий по отношению к "главарю", и ровно через год Кроночкина, доставив в этот же зал с лесоповала, осудит повторно, но теперь уже на 10 лет лишения свободы.

Какую же историю преподавали вы студентам, Евдокия Николаевна?

... В Асиновской районной пересылке этап, с которым пришли Кроночкин и Кружков, долго не задерживали. Через неделю он проследовал дальше по маршруту с конечным пунктом назначения в п. Горевка Кемеровской области.

- На лесоповал мы прибыли праздничным вечером 7-го ноября, - вспоминает Александр Евдокимович. - Чувствительно пощи-

пывал морозец. Но нас несколько часов держали в предзоннике, ждали, когда придут с лесосеки "бытовики". Всё было сразу же расставлено по своим местам. Мы ведь - "контра", чего с нами церемониться? Уголовники тоже считали нас зеками низшего сорта.

Началась "новая" жизнь.

Люди ютились в выстуженных морозом землянках. Их косили голод, болезни, каторжный надрывный труд. Осуждённые по 58-й статье направлялись на самую дешёвую и трудоёмкую работу. Так, почти год шёл Александр в кемеровской тайге рудостойку для шахт. Нечеловечески устававших, обессиливших вконец политических, страшными зимними холодами 47-го обкрадывали в, и без того небольших, шансах выжить. Беспардонное воровство процветало на лагерной кухне, блатные забирали себе львиную долю. Начальство на всё смотрело сквозь пальцы.

Когда летом 48-го Кропочкина повезут в Томск для повторного суда, из девяноста этапированных вместе с ним год назад политических в живых останется лишь двенадцать. И уже совсем немногим из них, кому посчастливилось пережить эту зиму в Горевке и все последующие в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа, станет известно: по приговору окружного военного трибунала будет расстрелян начальник горевского лагеря, садист и убийца. Но к высшей мере последнего приговорят не за то, что тот уничтожил сотни людей. Его расстреляют за "контрреволюционный саботаж", выразившийся в невыполнении плановых заданий.

В 90 километрах от нынешнего космодрома Байконур размещался каторжный лагерь печально известного КАРЛАГа, обитатели которого, а среди них до самого конца своего срока состоял и Александр Кропочкин, трудились на меднорудных шахтах.

Странным это было место. Высочайшая смертность заключённых определялась особыми условиями труда. В забоях после отпасти часами висели в воздухе мельчайшие частицы меди. Лишь к середине двенадцатичасовой смены глаза начинали хоть что-то различать в дыму. Такая же роскошь, как вентиляция, в лагерных нактах просто не была предусмотрена. Зато был предусмотрен постоянный приток новой рабочей силы. Год работы в рудниках — означал смерть. Лагерный врач не утруждал себя освидетельствованием умерших. О причине их смерти не надо было долго гадать: пневмокоз лёгких. Однако, личные дела многих несчастных засагивались имен, хотя одним и тем же диагнозом — "воспаление..." Что делать, разводило руками лагерное начальство, домигавая "похоронную" статистику озерцным проверяющим из центра, — неосторожный народ эти заключённые, не берегут себя, а простуда — дело серьёзное!

Новоизданием на большой палец ноги вешали бирку с номером, дело сдавали в архив. Похоронная команда исправно заполняла большие общие могильники на необъятном лагерном кладбище.

Кропачкин отработал в медном забое почти пять лет. Как остался жив он и сам толком не знает.

... Не только в камнетских концлагерях, но и в наших "сталинских", номер, присваивавшийся человеку, при его поступлении в лагерь, полностью заменил фамилию, имя, национальность, биографические данные. СЛ-208, номер Кропачкина, присутствовал на всех его личных вещах. Таков был порядок. За долгие годы проведённые за колючей проволокой человек настолько скивался со своей полной принадлежностью короткому сочетанию буквы цифр, что даже выйдя на свободу, спустя десятилетия, он машинально пользовался нумерацией, некогда составлявшей часть его

"Я".

Номер 61-308 выгравирован на самодельной алюминиевой кружке. Она подарена Александру другом-содлагерником, бывшим лётчиком из Москвы. Москвича сбили в жарком небе над Смоленском в 42-м. Две недели пробыл он в немецком плену. Бежал. Впоследствии довоевал войну в своей же части, награждён несколькими боевыми орденами. А взят был сразу же после победных салютов 45-го и за "измену родине" осуждён на 10 лет.

... Слушные слухи о болезни вождя просачивались и за колючую проволоку. "Вольгетники", те кто работал в зоне по свободному найму, шёпотом пересказывали энкам обрывки из ежедневных бюллетеней о состоянии здоровья товарища Сталина.

- Тогда всеми нами владела лишь одна мысль, - рассказывает Александр Евдокимович. - Мы, ничего не боясь, повторяли друг другу как заклинание, повторяли со свойственной лагерному лексикону грубой прямотой: "Скорей бы подошёл!"

Когда же над комендатурой воинской части, той что охраняла рудники, появился флаг с чёрным траурным крестом, радости заключённых не было границ.

В то время как вся страна была буквально охвачена суевёрным ужасом от постигнутой её утраты, другая "страна", размещённая за колючей проволокой, окружённая пулемётными вышками, ликовала. "Архипелаг ГУЛАГ" обнимался, плакал, кричал "ура!" В воздух летели шапки, рукавицы, кружки, даже сапоги. Кончалась эпоха...

Кронючин вспоминает, что потом, когда арестуют, судят и расстреляют Лаврентия Берия, это уже не вызовет в лагерях особых эмоций. Люди, миллионы репрессированных, точно знали, кто является главным виновником!

... Есть у Александра Евдокимовича несколько, особо чтимых

ных или реликвий, родом из тех далёких лет. Одна из них, карандашный портрет самого А.Е.Фропочкина, выполненный в редкие часы летнего досуга человеком, с которым довелось Александру кататься в медном забое рудные вагонетки. Звали этого человека Владимиром Васильевичем Лебедевым. Был он известным мастером советской графики, тогда ещё будущим народным художником.

С письмом И.Эренбурга связаны особые воспоминания.

— Довелось встретиться с Эренбургом на фронте, под Ярославлем, — вспоминает Александр Евдокимович. — Он выступил тогда перед нами, солдатами. Как сейчас помню, читал свой рассказ "Победа человека". Надо сказать, мы, фронтовики, очень его любили. Ждали его публикаций в "Правде", "Красной звезде". И вот, спустя некоторое время, в "Правде" появляется статья некоего т.Александрова под названием "И.Эренбург"упрощает". Неизвестный мне т.Александров резко упрекал известного писателя и журналиста в том, что тот пишет вещи, уже не антифашистские, а скорее антинемецкие по духу. И, как я понимаю сейчас, эти упрёки были вполне обоснованными. Но тогда, прочитав статью, я споряча отправил И.Эренбургу письмо, где писал о том, что мы солдаты думаем о критике в его адрес, и допустил в адрес т.Александрова и его статьи несколько крепких выражений. Потом, наш комзвезд, ст.лейтенант Мамочкин, разъяснит мне, что Г.Б.Александров — не кто иной, как зав. отделом агитации и пропаганды НК. Сказку честно, подумали у меня тогда прогнугли. Лодей брали и за меньшее. Я стал ждать когда за мной при дут. Однако, видимо, попался хороший цензор, и за свою юношескую наивность и безрассудство я не заплатился. Кстати, от Эренбурга вскоре пришёл короткий ответ: "Благодарю за ценные мысли и поддержку в творчестве".

Это письмо впоследствии найдут при обмене и приобщат к делу.

— Глянь ты, бражника, — скажет по этому поводу Кроночанину следователь Березина, — нехитро с кем знакомства водить. Ведь этот Эрбурт в е ф р а н ц и и жиы!

Только через два с половиной года Кроночани поймёт наконец в чём дело. Случайно познакомившись ему на лагерной кухне, старый, грёблетной давности номер "Црандт", с печально известной бултонской речью Черчилли откроет глаза на многое. Между вчерашними союзниками начнется "холодная война". Война без выстрелов и бомбардировок.

Но жертвы были.

Мажорик правосудия раскручивался неслыханно. Сотни тысяч, миллионы людей ждали перемен в своей судьбе.

Реабилитация была радостью с острым прикусом горечи, так считает Александр Евдокимович. Была она долгожданной, выстраданной как Победа. Была она и неизбежной, как пробуждение послетяжкого ночного кошмара, некрываемого долгие годы миллионы человеческих судеб, присвоенного им одинакового серые регистрационные номера.

Регистрационные номера будут иметь и справки с извещением о реабилитации. Но не все кому они будут предназначены смогут получить их лично.

В 1955 году, после почти девятилетнего заключения, А.Е. Кроночани будет освобождён по сокращению срока. Потом он будет полностью реабилитирован. Как многие другие, кому предстоит теперь начинать жить сначала, он получит на руки только новые документы.

Официальная справка на его имя, от 29.03.57, подписана

председателем томского областного суда т.Скрябиним: "На Ваш запрос, поступивший в Томский областной суд, сообщам, что решение Коллегии Верховного Суда РСФСР на руки не выдаётся. Вам направлена справка о реабилитации. Вы полностью восстановлены в правах и время проведённое в лагерях не считается пробелом в трудовом стаже".

Тридцать лет проработает Александр Евдокимович Кропочкин в средней школе № 19 г.Новосибирска. Будет преподавать физику, историю, будет заведующим учебной частью производственного обучения. Последние предпенсионные годы будет вести у школьников уроки труда. Его сын, Леонид, уже сам директор школы. Мена сына, Люба, преподаёт в вузе. Уже подрастают внуки...

Идут годы, но по-прежнему тяготит память груз воспоминаний. Былое то и дело напомнит о себе. Кадром из фильма, обрывком письма... И вновь в вечном пульсе человеческой души неизбывные образы: война, страх, следствие, заливанный термальный пол, учебник латыни, пулемёты на вышках, мёрзлый хлеб, 120 метров на ручной клети вниз, бесконечные вагонетки, бегающие глаза студента Э., голод, ноги, идущие мимо зарешеченного окна, чай овчарок, рассказ "Машенька", написанный отрывком грифели на газетном обрывке, партбилет, сданный секретарю райкома, бунт в лагере, резня с бандеровцами, "шаг влево, шаг вправо - приравнивается к побегу"... Берedit душу пережитое.

Судьба человека. Судьба № СЛ-203.